

ШАМАНЫ СИБИРСКИХ ЭСКИМОСОВ

Шаманами у эскимосов (*ацалъкуц* — науканский диалект, *алигнаг'е* — чаплинский диалект) были мужчины и женщины. По силе воздействия на психику окружающих шаманы делились на три типа: сильные, средние и слабые. Деятельность сильного шамана была шире и разностороннее деятельности средних и слабых, поэтому они ему повиновались. В сел. Наукан почти каждая патриархально-семейная община имела своего шамана. Такие шаманы считались сильными. Но самым главным шаманом селения являлся шаман из общины хозяев поселка (земли) — *нуналык*.¹ Шаманы патриархально-семейных общин играли большую роль при проведении мероприятий общественного характера. В сел. Наукан хозяин села *нуналык* принадлежал к патриархально-семейной общине *Имтугмит*. По преданию, эта община была основателем селения. При возникновении спорных вопросов между общинами и ее членами решающее слово принадлежало общине *Имтугмит*. Старшиной или хозяином села считался представитель этой общины.

В конце XIX — первой половине XX в. в Наукане было десять патриархально-семейных общин: *Имтугмит*, *Ситкунаг'мит*, *Маног'эг'мит*, *Кыпунуг'мит*, *Туграт'мит*, *Уныхог'мит*, *Мамрох'паг'мит*, *Уяг'аг'мит*, *Саграт'мит* и *Нунаг'мит*. Сильными шаманами тогда же были *Пишкылык*, *Льэқын*, *Лалак*, *Уңоя*, *Илаја*, *Енту* и *Аңдұтак*, *Атукып*, *Униқая*, *Тэпқелян*, *Савлюк* (женщина) и др.; в с. Чаплино — *Айвыг'ақ*, *Амуя* и женщина-шаманка *Тэвлянауц*; на о-ве Ратманова (по-эскимосски *Имақл*-

¹ *Нуналык* — хозяин поселка (земли); так назывался глава патриархально-семейной общины эскимосов, предки которой положили начало данному селению, были первопоселенцами. Ему принадлежало право и обязанность отправления всех культов общепоселкового значения, наблюдение за порядком в селении. Без согласия *нуналык*'а никто не мог перейти на постоянное жительство в данное село. — *Ред.*

ик) — *Қыңақшак*, *Люван*; на о-ве Врангеля — *Ацалъкуц*, *Кмо*, *Тагью*, *Етувги*.²

Шаманами становились эскимосы при следующих обстоятельствах. Одиноким охотник в безлюдном месте слышит, что его кто-то зовет, называя по имени, слышит таинственные голоса — кто-то поет. Считалось, что это духи выбирают своего будущего посредника с живыми людьми. Иногда эскимос видел сон, во время которого разговаривал со своими будущими духами. Духи могут говорить на любом языке. Во сне они являются в виде красивых людей, в такой же одежде, какую носят живые люди. Духи бывают в виде касаток (по представлениям эскимосов, зимой касатка превращается в волка), белого медведя, воропа, горноста, журавля. Обычно дух предлагает охотнику стать его (духа) кормильцем (кормят их при помощи жертвоприношений). После такого сна охотник начинает слышать голос и песни, исполняемые его будущим духом. В дальнейшем этой песней он будет вызывать своего духа. После такого сновидения охотник обращается к шаману и рассказывает ему о виденном во сне. Шаман с помощью своих духов узнает, кто выбрал охотника посредником с живыми людьми. Шаманами называли также людей с проявлением психического расстройства. Его симптомы появлялись на почве переживаний от перенесенного несчастья, а иногда причиной были болезни (падучая болезнь — *умелыткоқут*, неврастения и др.).

Шаманки считались сильнее мужчин-шаманов. По мнению эскимосов, сила шамана и шаманки заключалась также в сохранности у них зубов. Заклинания беззубого шамана были самыми слабыми. Крепкие и острые зубы будто помогали шаману и придавали ему силу во время шаманских сеансов. В испорченных зубах образуются щели, где накапливаются остатки пищи, и поэтому изо рта человека идет неприятный запах. При наличии такого запаха у шамана его духи брезгуют посещать своего покровителя, поэтому он теряет свою силу. К старости шаман вообще теряет силу. Это видно было по его одежде. Он носил кукляки, брюки, рукавицы, торбаза белого цвета — признак слабости и старения.

Главные обязанности шамана — лечить больных людей, охранять их от злых духов, добиваться удачи охотникам на промысле, своевременно угадывать приближение несчастья в семье или селении, узнавать, какой будет весенняя охота, предсказывать погоду на ближайшие два-три дня.

Допрашивая своих духов, шаман предсказывал события в семье, в патриархально-семейной общине, в селении. Перед тем как обратиться с вопросом к духам, шаман щепоткой оленьего мяса угощал их, совершая жертвоприношение. Угощая духов, шаман

² Шаманы о-ва Врангеля прибыли туда вместе с первыми переселенцами в 1926 г. — см.: Ушаков Г. А. Остров метелей. Л., 1973.

уговаривал их сохранить благополучие в семье, в общине, содействовать удаче в охоте, предотвращать возможные несчастия.

В своей семье шамап считался самым главным. Он давал имя поворожденному. При заболевании ребенка менял ему имя (чтобы духи не нашли его или брезговали подойти к нему; для этого выбиралось какое-нибудь имя, значение которого соответствовало чему-нибудь грязному, скверно пахнущему и т. п.). Став взрослым, исцеленный первую добычу отдавал шаману. Пока шаман был жив, этот человек всегда часть добычи приносил ему. Таким образом, охотник оказывался в пожизненном долгу у шамана.

Лечение происходило иногда при помощи духов. Шамап подпускал их к телу больного для снятия недуга. Иногда лечение происходило при помощи колотушки бубна. С ее помощью шаман изгонял болезнь из тела больного (*алыштуг'ақа*), размахивая колотушкой над больным местом. Взмахи колотушки направлялись в сторону выхода из яранги. Болезнь как бы снималась с человека и изгонялась из жилища, в котором он находился. Был и более простой способ. Шамап дул на больное место, направляя поток воздуха по телу больного опять-таки в сторону выхода из яранги или в сторону вентиляционного отверстия полога, чтобы вместе с воздухом вылетел из жилища источник болезни.

Во время похорон кого-нибудь шамап брал с собой человека, страдающего разными недугами. Когда покойника клали на приготовленное для него место, больной руками отряхивал со своего тела болезни на умершего (*алыштуг'ақуқ*). Считалось, что таким образом на него переходили недуги больного.

На шею выздоравливающего шамап надевал амулет-ошейник (*уямилъқоқ*), сделанный из нерпичьей меховой шкурки, — этот ошейник был охранителем от злых духов, — и одновременно изменял ему имя, чтобы духи болезни вторично не смогли найти его или боялись подойти к нему. Например, от рождения у больного было имя Иқаңа (не этимологизируется), а после болезни ему дали имя Сапых'лзук (Свалка мусора).

После выздоровления к пояскому ремню больного, надеваемому поверх кухлянки, подвешивались фигурки касатки, черпы, ворона, рыбы и т. п., которые рассматривались как охранители от злых духов. Такие фигурки подвешивались и женщинам к комбинезону (*қалғивак*). Кроме того, в жилище больного выставляли амулеты для охраны его и яранги от возможного вторжения злых духов. Эти амулеты призваны были защищать от разных болезней. Амулетами служили изображения россомахи, волка, ворона, горноста; делались они из шкуры оленя или нерпы, но обязательно уродливой формы. Кроме них были и семейные амулеты (*тунг'элъкутат*). Они были постоянными, считались наследственными и передавались из поколения в поколение по мужской линии. Им отводилась роль защитников яранги от злокозненных сверхъестественных сил. Они представляли собой фигурки человека с большой головой и большим ртом, без рук

и без ног. В качестве амулетов использовались черепа добытых белых медведей и волков или найденные где-либо. Хозяин яранги кормил амулеты кусочками мяса только что добытых зверей. Уничтожать их категорически запрещалось. Умышленное уничтожение амулетов, по представлениям эскимосов, было равносильно уничтожению кого-нибудь из родственников патриархально-семейной общины или члена семьи, где находились эти амулеты.

После смерти человека шамап допрашивал тело усопшего (гадал): выяснял причины заболевания и смерти. По убеждениям эскимосов, самые верные показания о будущих событиях давал труп ребенка, который также допрашивали.

При допрашивании покойника его голову шамап обвивал ремнем и к свободному концу привязывал палку, обычно колотушку бубна. Объяснение причины заболевания и смерти якобы давал сам покойник. Шамап задавал вопросы и поднимал голову при помощи палки. Если ответ был утвердительным (*ауыг'ақуқ*), то голова покойника легко поднималась шаманом. Если же покойник отрицал (*иқъянеқуқ*), голова становилась тяжелой, ее никакими силами нельзя было оторвать от пола. Задавали обычно много разных вопросов о причине смерти; возможно, родственники нарушили установленные обряды (не принесли жертв своим духам), поэтому духи и наказали их, забрали его тень (*тағныг' ак*). По представлениям эскимосов, у живого человека существует двойник — тень. Она неразлучно живет вместе с человеком. Но она может отлететь от него при сильном испуге, особенно если человек находится в безлюдном месте. Сильный испуг будто бывает по вине духов, и эта тень переходит к ним, а иногда переходит к духам шамана, если покойник был наказан за нарушение обрядов, невыполнение их. Шамап при помощи своих духов узнавал, что больной остался без тени, а духи не хотят, чтобы она обратно вернулась к своему хозяину. Это означало, что больной обречен. Иногда духи соглашались вернуть тень больному, и он выздоравливает.

При допрашивании тела покойника узнавали о будущей жизни его родственников (заболеет или умрет кто-то из них). Если он умер по вине живых людей (кто-то наколдовал или отравил), то родные советуют ему отомстить своему обидчику (*акили*). По представлениям эскимосов, умерший, если в жизни он был хорошим, честным и добрым человеком, попадал на небо (*силъамун узтакук*), где ему все приготовлено для счастливой, безбедной жизни в потустороннем мире. Но если покойник был грешен перед живыми людьми и причинял им зло (например, убил невиновного человека), он попадал к хозяину подземного мира *Нунам асен йо*. Это означает, что он попадал туда, где самые худшие условия жизни: постоянный голод, большая сырость, очень мало воды для питья, за малейшую провинность наказание ударами плети. Вся процедура допрашивания тела покойника происходила ночью перед похоронами в узком кругу родственников.

После смерти шамана его духов никто уже не в состоянии был вызвать. Но его колотушку использовали при допрашивании тел умерших и живых людей. Иногда один из духов шамана при допрашивании покойника будто приходил на вызов; потом он становился духом одного из родственников шамана по мужской линии (обычно его сына). Колотушка шамана передавалась из поколения в поколение по мужской линии. Она служила охранителем жилища от злых духов. Во время похорон шамана его бубен ломали и клали на могилу. Ломаная вещь умершего человека на том свете становится целой.

От шаманов зависела удача в промыслах. Охотник, по совету шамана, перед выходом на промысел давал обещание, клятву (*анх'утакут*) из первой добычи принести жертву хозяину моря. Если была удачная охота, считалось, что хозяин моря был доволен.

При помощи своих духов шаман узнавал о приближении несчастья в семье, в своей общине. Все будущие несчастья шаман должен был предвидеть и предупреждать об этом родственников.

У сибирских эскимосов было много праздников с религиозной направленностью: праздник кита (*полъа*) — проводы в море останков кита;³ проводы в море останков белухи (*ыхсекут*); спуск байдары весной на воду (*қамигакут*);⁴ посвящение подростков в охотники;⁵ праздник по случаю выздоровления больного. Иногда во время болезни больной давал обет (*анх'усимақ*) провести спортивные состязания с призами — бег на близкую дистанцию, в котором участвовали желающие из разных патриархально-семейных общин (8—10 человек). Призы получали пришедшие первым и последним. Все эти спортивные состязания проходили в присутствии шамана и по его советам и указаниям.

Вознаграждение шаману обычно полагалось только за лечение. Оно зависело от состояния больного. Чем хуже чувствовал себя больной, тем выше было вознаграждение. Обычно расплачивались шкурами песца, росомахи (самым ценным мехом эскимосы считали мех росомахи), лисы, белого медведя, лахтака, нерпы или ремнями из кож морских зверей.

Из ремней особенно ценились лахтажи, и больше всего тонкие, которые привязывались к закидушкам.⁶ Родственники заболевшего из бедной семьи нередко все свои материальные ценности отдавали шаману. Считалось, что чем богаче одарить духов

³ Теин Т. С. Эскимосский праздник кита полъа (на примере поселка Наукан). — Краевед. записки, вып. X, Магадан, 1975.

⁴ Теин Т. С. Первый спуск байдары на воду (из жизни науканских эскимосов). — Краевед. записки, вып. XI, Магадан, 1977.

⁵ Посвящение в охотники происходило, когда мальчик впервые добывал нерпу или лахтака. В старину во время посвящения ему продевали в губы и щеки лабретки из мягкого камня или кости — признак его возмужалости. Этот древнейший охотничий ритуал проводился под руководством шамана (родственника отца или матери мальчика).

⁶ Закидушка — орудие для подтягивания к льдине, берегу убитых морских животных.

шамана, тем быстрее выздоровеет больной. Вознаграждение назначал отец или дядя больного с отцовской или материнской стороны. Принимая вознаграждение (подарок), шаман говорил родственникам больного, что оно пойдет для вызова духов. Если больной не выздоравливал после первого вызова шамана, родственники его имели право вызвать этого же шамана вторично. И за повторный вызов нужно было давать шаману вознаграждение. Обычно шаман говорил, что вознаграждение, которое предназначалось для духов, они разрешили ему взять себе.

У эскимосских шаманов не было специальных костюмов. Исключение составляли шаманы — предсказатели погоды, которые во время праздника кита облачались в специальную обрядовую одежду. Обычно предсказателем погоды становился пожилой, но очень опытный охотник — шаман патриархально-семейной общины. Он имел деревянный посох (*аявек*) с полосами трех цветов: красного (*кавилг'е*), белого — оголенная древесная поверхность посоха — и черного (графит *талцаг'рик*).

В день праздника кита предсказатель погоды одевался очень медленно, шепча заклинания о благополучном исходе ритуала. Слово *аяхты* (предсказатель погоды) в эскимосском языке стало нарицательным: всякую медлительность в работе называли этим словом. Одежда шамана состояла из кухлянки, сшитой из шкур неблюя, украшенной подвесками-амулетами, изображавшими разных животных, сделанных в нарочито уродливой форме для устрашения духов. Это были фигурки кита, белого медведя, ворона, касатки, выполненные из китового уса, кроме фигурки белого медведя, которая вырезалась из клыка моржа. Брюки шамана шились из нерпичьей шкуры с лампасами из оленьей замши, украшенными растительным орнаментом. Торбаза были из белых оленьих камусов и тоже украшены растительным орнаментом. По одежде и посоху сразу узнавали предсказателя погоды. Во время праздника разговаривать с ним имел право только старейшина села (хозяин) — нуналык. Через него предсказатель погоды передавал односельчанам состояние погоды на ближайшие два-три дня.

Бубен шамана был аналогичен бубнам, используемым эскимосами во время общественных национальных танцев. Но колотушка (*мумыт*) у шамана была толще и массивнее обычной. Делали ее из любой породы дерева. Шаман ударял колотушкой по обечайке бубна. Бубен (*саят*) состоял из обечайки с ручкой (*тугувик*) из клыка моржа или рога оленя. Ручка бубна в разных семьях делалась из разного материала, что не было связано с какими-нибудь традициями. Саяк обтягивался оболочкой моржового желудка (*усикақ*), которая представляла собой прочную прозрачную пленку. Ее отделяли от остальной части желудка, после чего надували воздухом для просушки, а затем разрезали и натягивали на обечайку бубна.

По представлениям эскимосов, у сильного шамана было несколько духов-помощников: дух моря Имам Алмысе — покровитель охотников во время охоты на морских зверей; хозяин вселенной Сил'там йо — покровитель изменения погоды, к нему обращались охотники, находившиеся на байдаре, застигнутой в открытом море сильным ветром и штормом. Они обращались к хозяину вселенной с заклинаниями (просьбами) избавить их от неистовствующей стихии. Были еще духи скал — Ыпнам йо, речек — Куигаг'ым йо, заливов — Каңим йо, мысов — Акныг'ым йо. Но самым жестоким духом считался подземный дух Нунам йо. Все эти духи были постоянными жителями потустороннего мира. Чтобы не обидеть своих духов, шаман должен был один раз в месяц (обязательно во время полнолуния) приносить им жертвы (*ныг'ывкаг'ежук*). Во время полнолуния духам хорошо видно, что происходит вокруг и кто им оказывает внимание. Если шаман во время жертвоприношения своим духам забывал кого-нибудь из них, это приводило к несчастью, так как духи мстили за такую забывчивость жестоко.

После вызова шамана к больному вместе с вознаграждением обязательно давался ему отрезок лахтажяего ремня (*кыпутак*). Считалось, что этот ремень становился корнем его жизни (*ыгытых-качага тагавык*), поэтому шаман старался сохранить его в неприкосновенности. Если по какой-либо причине или случайно родные шамана использовали такой ремень или теряли (его съели собаки или он попал к постороннему человеку), это было самым большим злом для шамана. В таких случаях разгневанные духи забирали душу шамана или его тень (*тагныг'ак*).

Кроме постоянных духов были временные — души умерших, якобы опасные для здоровья живых людей, особенно после того как их вызывали: уходя, они могли забрать с собой душу живого человека.

Постоянными эскимосы считали тех духов, которые обитали в потустороннем мире. Духи умерших людей считались злыми духами. При допрашивании покойника он будто просил родственников в случае несчастья вызывать его на помощь. Первые годы после смерти родственники так и поступали, но через несколько лет его переставали вызывать, так как он становился опасным для живых. Это объясняется тем, что душа покойника через несколько лет будто бы начинает сильно скучать по сородичам. Поэтому после вызова ее, уходя, она незаметно забирает тень кого-либо из своих родственников. Чтобы избежать этого, такие души старались не вызывать. Вообще злыми духами становились умершие люди, которые в жизни приносили людям зло. Для охраны от них было несколько приемов. Чтобы они не проникли в ярангу,⁷ ее посолонь обходила женщина-мать, брызгая чело-

⁷ По верованиям эскимосов, после похорон мужчины через четыре дня он делал обход всего селения (*ыпатажу*), чтобы проверить, надежно ли закрыты жилища; если нет, он проникал туда и забирал либо душу, либо

веческой мочой из деревянного почного сосуда смоченным в ней пучком травы или отстоявшимся отходами жира из жирников (светильников) — *ыльгасита*.⁸ Иногда в этих же целях землю, снег около входа в ярангу просто поливали мочой (*кувигажут*). Душу покойника могли изгонять с помощью шаманской колотушки, размахивая ею в разные стороны. В этой связи уместно привести хорошо известную эскимосам легенду.

«Жили два неразлучных друга, хотя и были они из разных патриархально-семейных общин. С малых лет они так дружили, что между собой друг друга называли братьями. И решили — в случае смерти одного из них посещать друг друга, как при жизни. Вскоре один из них заболел и умер. Живой товарищ так горевал, что не находил себе места. Он знал, после похорон через четыре дня его покойный друг должен совершить обход яранг всего села. Прошло четыре дня, и ночью он не мог заснуть, лежал с закрытыми глазами и вспоминал своего усопшего друга, предчувствуя, что с ним произойдет что-то страшное и таинственное. В это время домашние все уже спали. А он чего-то ждал. И вдруг яранга как бы раскрылась. Он увидел ясное безоблачное небо со множеством звезд. Среди них даже различил Полярную звезду. А луна выглядела как-то странно. У нее было человеческое лицо. Хорошо были видны горы вокруг селения, берег моря и даже кладбище, где лежали останки любимого друга. Он заметил огонек, появившийся на могиле друга. И этот огонек стал спускаться в сторону села. И он сразу вспомнил их договор — после смерти посещать живого товарища. Огонек приблизился к яранге и исчез, а вместо него появился человек. По лицу он узнал своего покойного друга. Тот, подойдя к яранге, сказал ему: „Не бойся меня, у тебя в жизни ничего плохого не произойдет. Только прошу — помоги мне обойти яранги всего села. Мне одному скучно“. Они вместе пошли по селу. В небе шло настоящее веселье. Шум, смех, крики и пение. Все вокруг было необычно, таинственно. На кладбищах вместо могил стояли яранги. Слышен был лай собак, но казался идущим издалека. Живой товарищ не выдержал и спросил своего неживого друга: „Почему в небе шум, а наверху и внизу яранги?“. Тот ответил: „В небе кто веселится — это души таких же, как я. А наверху яранги — это наши жилища. На том свете мы живем так же, как вы на земле (сейчас)“. Во время обхода все яранги хорошо насквозь просматривались. Даже было видно их жильцов, кто как и в какой позе спит. Среди спящих почему-то бодрствовали только белые медведи, россомахи, волки, вóроны, но были они гигантских размеров (это были амулеты, охранители жилищ). Встречались яранги, обве-

тень любимого или ненавистного человека. Женщина после похорон обходила селение на пятый день.

⁸ Женщина у эскимосов считалась божественным существом, так как она производила потомство. Поэтому для злых духов она была грозой.

денные вокруг широкой полосой мочи или масляным блеском остатков жира со светильника. „Это яранги, жильцы которых соблюдают обряд обрызгивания мочой или отходами жира. К ним не проберешься“, — говорил покойный друг. А у некоторых яранг не было вокруг таких преград. Даже вместе с жильцами спали их охранители (амулеты). В такие яранги смело можно войти и забрать душу одного из спящих. „Это те, которые не соблюдают обряд обрызгивания“, — продолжал покойник. После обхода они по-дружески попрощались. Говорят, что его (покойника) друг прожил до глубокой старости».

Эта легенда передавалась из поколения в поколение, устрашая живых людей. Поэтому после смерти кого-нибудь из жителей села шаманы просили своих родственников обязательно соблюдать обряд обрызгивания.

Камлание было главным средством достижения цели шаманом. Перед вызовом своих духов шаман раздевался догола до пояса и клал около того места, где он сидел, подарки (плату), полученные от родственников больного. Затем хозяина яранги заставлял погасить жирники. После этого родственники больного во время камлания должны были сидеть не двигаясь, не разговаривать между собой, иначе дух — помощник шамана услышит их и не явится на вызов. Затем шаман брал бубен и колотушку и начинал петь. Шаман имел свои собственные песни без слов. Они исполнялись в очень быстром ритме. При этом он резко ударял по бубну колотушкой. Шаманы средние и слабые свои предсказания передавали слушателям во время камлания (они до экстаза не доходили). Сильные же шаманы во время экстаза галлюцинировали и по галлюцинациям сообщали предсказания окружающим их людям. Экстаз наступал после резкого барабанного боя и замены песни воинственными ошеломляющими криками. Все это очень действовало на психику окружающих. Удары по бубну прекращались, прекращались и крики, и шаман медленно оседал на пол. Это значило, что он уже непосредственно связывается со своими духами. Во время экстаза у шамана начинается галлюцинация — как будто он видит все окружающее: море, горы, мыски, камни, т. е. окружающую нас природу, где находятся его духи. При этом он разговаривает со своими духами на совершенно непонятном для окружающих языке.⁹ Бывает, что разговаривает и на понятном языке. Например, шаман Униқая разговаривал со своими духами на чаплинском диалекте, а сам он говорил на наукапском диалекте. Иногда во время экстаза шаман переставал говорить. Это означало, что его душа временно оставила тело и пошла к своим духам узнавать подробности о будущей жизни соплеменников.

⁹ Богораз В. Г. О так называемом языке духов (шаманском) у разных ветвей эскимосского племени. — Изв. Российской Академии наук, 1919.

В процессе камлания шаман мог показывать разные фокусы: стрелял себе в голову или сердце, «отрезал» свой язык, колотл себя ножом и тут же вылечивал рану, вытаскивал свои кишки, глотал камни; уходил из закрытой яранги, под звуки бубна создавал шум, якобы происходивший вокруг яранги, и присутствующим казалось, будто на улице раздаются резкие крики и голоса, непонятные слушателям; разговаривал при свете со своими духами в присутствии зрителей.

Язык шамана во время связи с духами не поддается изучению. Он держит его в особом секрете и не объясняет никому. Духи шамана Тэпқелян относились к подземным духам. Он их не пазывал, знал их только сам. Его духи отвечали ему на языке, непонятном для окружающих. По рассказам очевидцев, когда уходит из тела душа шамана, пульс его якобы замедляется, ритм биения сердца сокращается. В это время шаман лежит на полу навзничь, неподвижно.

Интересно проследить имущественное положение эскимосских шаманов. Сильные шаманы были самыми старшими в селении. Они пользовались большим авторитетом не только среди односельчан. Они ни в чем не нуждались. Охотник, добывший морского зверя, прежде всего приносил шаману хороший кусок мяса. Сильные шаманы — это бывшие опытные охотники. Поэтому их предсказания о погоде, о движении морских животных часто сбывались, что создавало им еще больший авторитет.

Как более молодые, средние и слабые шаманы занимались охотой наряду со всеми и вели свое домашнее хозяйство. Лишь к более зрелому возрасту они становились сильными шаманами.

Шаманы строго следили за поддержанием своего престижа. Обижать шамана не полагалось, так как он жестоко мстил обидчику: того во время охоты может унести течением на льдине в море (*ахатаға*), где он погибнет; душу охотника заберут духи, отравят мясной пищей. Но шаман, совершивший преступление против людей, терял доверие односельчан. Раньше шаман, совершивший такое преступление, уничтожался.

Эскимосы верили в загробную жизнь. Уничтоженный ими шаман становился извечным врагом той патриархально-семейной общины, которая умертвила его. И этот шаман с того света старался наказать своих убийц. Большинство шаманов не пыталось мстить своим обидчикам ради сохранения своего авторитета среди односельчан. Рассуждали еще и так: если шаман использует своих духов во вред людям (*аг'иг'о'г'ақуқ*) — это для него же хуже. Дух, который привыкает к человеческому мясу, каждый год будет требовать новых жертв. Шаман каждый год должен приносить ему новую жертву — кого-нибудь из неродственников. Если он откажется принести очередную жертву своим духам, они сами без предупреждения заберут кого-нибудь из родственников или даже его самого. Они выйдут из его повиновения.

От предназначенного в жертву духам человека шаман брал кусочки его одежды (*хысугвикаха*). Ночью, когда все ложились спать, шаман уходил на окраину села в сторону восхода солнца. Вызвав своих духов, он делал жертвоприношение кусочками одежды своей будущей жертвы. Они как бы заменяли тело жертвы. Кусочки одежды должны быть из шкуры оленя или нерпы.

Были шаманы-отравители. Раньше эскимосы покойников не зарывали. Тело клали на землю и обкладывали вокруг камнями. Одежду на покойнике разрезали, тело оставляли голым. Мужчине требовалось четыре дня, чтобы дойти в потусторонний мир, женщине — пять. Женщины жили дольше мужчин, так как они имели пять жизней. После похорон могилу мужчины посещали через четыре дня, а женщины — через пять. Если за эти дни труп уже был объеден собаками или песцами, значит, в жизни этот человек был добрым. Если труп оставался целым — человек этот был грешен перед живыми людьми. Этим пользовался шаман-отравитель. Ночью, когда все селение уже спало, шаман шел к могиле. Сразу он не подходил. Ложился на землю и подкрадывался к покойнику, изображая лисицу, даже виляя хвостом (ноги его были как бы хвост). Делал он это для того, чтобы душа покойника не догадалась, что к нему подкрадывается человек. Отрезал ножом кусок мяса с любой части тела покойника, в яранге этот кусок завертывал в высушенные кишки моржа или лахтака, прятал так, чтобы никто из родственников не нашел, и ждал разложения мяса. Пригласив своего обидчика, он угощал его оленьим мясом, смешанным с мясом покойника. Через год обидчик умирал, организм его гнил.

В общественном производстве участвовали систематически только молодые шаманы. Они пользовались не очень большим авторитетом, но с ними считались, к ним прислушивались. Пожилые шаманы не всегда участвовали в общественной охоте, — их сдерживал возраст и упадок сил, — но старались казаться бодрыми. Зимой они обычно занимались подледным ловом рыбы удочками, домашним хозяйством, например резали из кож лахтака ремни и т. п. Только в весенне-летний период и осенью они участвовали в коллективной охоте на морских зверей. Каждая байдарная команда имела одного пожилого шамана. Обычно это был родственник хозяина байдары. Основная, главная функция шамана в коллективном промысле — оберегать жизнь охотников от стихийных сил природы и от злых духов моря. Он был главным в байдаре и пользовался непререкаемым авторитетом. К нему за советами обращались все, даже хозяин байдары. В обязанности шамана входило делать жертвоприношения щепоткой мяса от первого добытого зверя хозяевам моря и вселенной, а также духам скал, мысов, духам, живущим в горах, в урочищах. В открытом море шаман не занимался предсказыванием будущего. Его большой опыт в морском промысле нужен был молодым охотникам. Он учил их, как и с какой стороны подойти байдаре к лежбищу

моржей на льдине, как отразить нападение раненого моржа, как вести себя во время охоты на серых и гренландских китов, как вести байдару при сильном тумане и во время шторма, как управлять парусами при разных силе и направлении ветра, как вести судно среди дрейфующих льдов, при каком ветре надо прекращать промысел зверя и т. п. Во всех непредвиденных случаях на море обращались за помощью к шаману.¹⁰

В жизни семьи шаман играл большую роль, он принимал участие в решении ряда важных вопросов. Шаманы возглавляли праздники морских зверобоев, руководили их проведением (праздник кита, праздник спуска байдары на воду, проводы останков белухи в море и т. п.).¹¹

Перед первой весенней охотой на морских зверей шаман допрашивал своих духов с помощью деревянной палки-колотушки, прикрепленной ремнем к голове хозяина байдары (*анъялык*). Задавали много вопросов: будет ли удачной охота, какие неприятности ожидаются в семьях охотников, не уйдут ли звери в другие места, кого из охотников в первые дни охоты не следует допускать к промыслу. Шаман не разрешал сесть в байдару в первые дни тем, у кого недавно скончался родственник, или тому охотнику,

¹⁰ Шаман и охотники не имели представления о внешнем облике хозяина моря, так как никто его не видел. Хозяин моря будто обеспечивал безопасность судна и жизнь охотников во время промысла. При коллективной охоте на байдаре ему приносили жертвы, отрезая кусочки от ластов моржа и от плавников серого и гренландского кита. Облик хозяина вселенной также не был известен эскимосам. Во время археологических раскопок на Эквенском могильнике С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев нашли деревянную маску (лицо человека). По их утверждениям, это изображение хозяина вселенной, что мало вероятно (Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975, с. 180). Во время праздника кита эскимосы использовали разные маски. И эта маска, видимо, использовалась во время праздника и была погребена вместе с ее владельцем. Хозяин вселенной ведал погодой на море. В открытом море ему так же приносили жертвы, как и хозяину моря. На суше хозяину вселенной приносили жертвы оленьим мясом. Рядовые охотники, если добыча была индивидуальной, могли сами делать жертвоприношения хозяевам моря и вселенной, а также духам своих шаманов.

¹¹ Останки белухи в море провожала та семья, охотник из которой добыл белуху. Во время разделки ее плавники, хвост и голову забирал добытчик. Все это складывалось в его мясную яму. Через несколько дней, еще до рассвета, члены семьи шли туда, забирали конечности и голову белухи и переносили в ярангу. В пологе расстилали высушенную моржовую шкуру (*синран*), на которой разделяли туши нерп, лахтаков и обезжиривали шкуры белых медведей. Перед тем как внести в ярангу голову белухи, ее поили водой из специального деревянного сосуда (*ымисан*). На моржовую шкуру клали конечности и голову белухи. От каждой конечности отрезали куски (*аг'выг'ог'ыт*) по количеству жильцов в яранге. Обитатели яранги бросали куски через вход в сторону моря. Первым бросал самый старший в семье. Этот обряд был посвящен проводам останков белухи и их возвращению в родную стихию — в море. После свершения этого обряда охотник приглашал своих родственников — пожилых людей по мужской линии. На продолговатое деревянное блюдо (*каюкан*) клали голову белухи, и начиналось угощение приглашенных (*тилег'акут*). Затем гости расходились по домам.

у которого во время родов жены или собаки его охотничье снаряжение и оружие оставалось в ярапге и не было перенесено к родственникам в другую ярангу. Несоблюдение этих древних правил считалось осквернением законов предков (*укъюг'алъат ыйусит*).¹² От байдары, в которой находился такой грешный человек, звери будут уходить (*жимуйакут*), брезгуя им.

Голову первого добытого моржа тоже допрашивал шаман; велось это также, как при допрашивании головы покойников или живых. Задавали разные вопросы: будет ли в этом году много моржей, придут ли осенью гренландские киты, будут ли моржи на лежбищах. После допрашивания головы шаман заклинаниями уговаривал моржа не обижаться на людей, в будущем способствовать удачной охоте и на следующий год привести много моржей в эти края. Хозяин байдары выходил на улицу и бросал в сторону моря кусочки, срезанные с ластов моржа. Это означало, что душа добытого моржа вернулась в море. После угощения гостей голову моржа без кожи относили на специальный жертвенник, находящийся вдали от села, где уже находилось много черепов моржей, которые собирались там с давнего времени.

К установлению Советской власти большинство шаманов по-моложе отнеслось лояльно. Они были даже рады появлению русских врачей, называли их «живыми духами». Духи шаманов были невидимы для окружающих, и не было видно, как они лечили больных. Русские же врачи это делали на виду у присутствующих. Пожилые шаманы, тесно связанные с зажиточными охотниками и бывшими торговцами, не признавали новую власть. Агитировали население не отдавать больных для лечения врачам, не пускать детей в школу. В Наукане была группа шаманов (Нынегнилан, Қантахун, Аминак и др.), которая пропагандировала некоторые христианские обычаи. Эта группа была создана по инициативе американских миссионеров в начале 20-х гг. Во главе ее был поставлен большой шаман Нынегнилан, признававший христианскую веру. Нынегнилан страдал психическим расстройством, которое периодически проявлялось. Во время припадков он старался уединиться, убегал в тундру, поэтому его земляки думали, что в него вселился один из его духов. Его боялись почти все. Эта группа вела пропаганду среди эскимосов о пользе христиан-

¹² Каждая патриархальная община имела своих предков — *сивунг'ит*. Обряды, обычаи, охотничьи правила (ритуалы), праздники, верования, мифы, легенды, запреты, семейные и брачные обряды — все это в целом составляет законы предков (*сивулимта ыльх'ат*), правила поведения, унаследованные от предков. Если патриархально-семейная община вымирала, законы предков переставали существовать. Но другие патриархально-семейные общины вспоминали вымершую общину с положительной или отрицательной стороны. Например, патриархальные общины Саграг'мит и Уныхког'мит (науканские) давно уже вымерли. Но о них помнят, рассказывают. Так, члены патриархально-семейной общины Саграг'мит считались специалистами по строительству полуподземных землянок, а члены общины Уныхког'мит — самыми ленивыми, но палочными.

ской веры, ввела в эскимосский язык новое слово — *санти* (от английского *sunday* — воскресенье). В день santi в селе запрещалось работать и выходить на морскую охоту. Группа эта запрещала посещать детям школу, требовала избегать русских врачей и не давать им лечить больных, призывала население не покупать советские товары, распространяла разные слухи.

Корни шаманизма в мировоззрении приморских жителей Крайнего Северо-Востока Сибири, которые веками внедрялись в сознание людей с малых лет, оказались живучими. Изъять их сразу из общественного сознания аборигенов невозможно. Ребенок с малых лет находился под влиянием религиозных представлений родителей, их культовых отправления и шаманов с их действиями, наставлениями, обрядами.¹³ Молодой охотник учился у шаманов не только тому, как вести морской промысел, но заучивал наизусть заклинания, связанные с морем и пужные ему в жизни, — например, как благодарить хозяина моря, если он дал удачный промысел, как вызвать сострадание хозяина моря в случае несчастья на охоте (уносит на льдине в открытое море; нечаянно поранил себя; неожиданно заболел на охоте, и неоткуда ждать помощи; подмял белый медведь, но человек остался жив; упал в воду и не может выбраться и т. д.), как найти любимую девушку, побудить ее к ответным чувствам.¹⁴

С приходом на Чукотку новой жизни, отличной от прошлой, где все держалось на суевериях неграмотного охотника, активная пропаганда научных знаний, повышение общей культуры народа, атеистическая работа советских, партийных работников, учителей, медиков о реакционной сущности шаманизма и его вредном воздействии на сознание людей дали хорошие результаты в деле искоренения шаманизма — пережитка далекого прошлого.

В настоящее время корни шаманизма еще держатся в сознании пожилых людей, в некоторых традициях. Молодое поколение знает о шаманах и их деятельности только по рассказам старших.

¹³ Рождение мальчика в семье считалось большим счастьем. Мальчик — будущий охотник и кормилец семьи. Его воспитанию уделялось родственниками много внимания. Физическим развитием, охотничьими навыками занимались отец, дядя и старшие братья. Духовное воспитание брал на себя шаман, оно считалось самым главным в жизни мальчика, юноши. В долгие зимние вечера, когда погода не позволяла охотникам вести морской промысел, в общественную землянку — *хайги* (каждая патриархально-семейная община имела свою землянку, где проводились всевозможные праздники, спортивные игры) приглашали старика-рассказчика. Обычно это был шаман патриархально-семейной общины. Он рассказывал мифы, легенды и предания о прошлой жизни эскимосов. Это была идеологическая обработка молодежи в духе шаманизма.

¹⁴ Заклинания (*қанымсут*) были разные, но все носили магический характер. Их использовали для лечения людей (*ниних'сатыт*), для мщения своему обидчику (*уйвалатыт*), получения покровительства для удачной охоты (*ныкычьютыт*), чтобы преследуемый на охоте кит изменил направление своего движения в сторону суши (*айатаг'сигатыт*), чтобы погода не испортилась (*силъалъиг'утыт*), чтобы изменить погоду к лучшему и т. п.

ПЕРЕЖИТКИ ШАМАНИЗМА У ЭВЕНОВ

В данное время в эскимосской общественной жизни традиционные праздники почти не сохранились, так как они выражали различные суеверные и религиозные представления (обращения к хозяину моря, вселенной, душе добытого кита, духам гор, скал, мысов и т. п.). Как известно, в праздниках большую увеселительную роль играли песни и пляски пантомимы, специально сочиненные для этих случаев. Исчезли одни за другими традиционные праздники, но пляски-пантомимы и песенное искусство, освобожденные от религиозного налета, получили еще большее развитие на новой социалистической основе.

Большая часть территориально-локальных групп эвенов, разбросанных по разным районам Охотского побережья, Камчатки, Чукотки и Якутии, в историко-этнографическом аспекте очень слабо исследована. Этим объясняется почти полная неизученность их религиозных воззрений, представлений и обрядов.

Автор этого сообщения специально проблемами религии не занимался, и факты, относящиеся к прошлым верованиям, культам и шаманизму эвенов, собраны были попутно во время полевых этнографических работ в Ольском, Северо-Эвенском и Среднеканском районах в 1961—1971 гг. В основном они взяты из рассказов и воспоминаний пожилых эвенов. Кроме того, некоторые сведения о пережитках промысловых культов, культе огня, шаманизме и шаманах сообщены были автору работниками среднеканской красной яранги, проводившей культурно-просветительную работу среди эвенов-кочевников Рассохинско-Березовской группы с 1958 г.

Эвены Охотского побережья до начала советского строительства сохраняли архаические формы кочевой жизни, как и весь патриархально-натуральный уклад своего комплексного хозяйства. До конца первой четверти нашего столетия они переживали очень сложный, крайне противоречивый процесс глубокого разложения патриархально-общинных отношений. Поэтому и формы их общественного сознания накануне социалистической реконструкции кочевого хозяйства и быта представляли собой очень сложное и противоречивое явление.

Традиционные религиозные представления и верования эвенов, имевшие различную по происхождению социальную почву, к этому времени выступали уже значительно изменившимися и сильно трансформированными.

Большую роль в этом сыграла официальная религия царской России — христианство в форме православия. Под ее прямым и активным воздействием с XVIII до начала XX в. на быт и психологию кочевников происходили постепенные изменения в старин-